

26 Июл 1982

Молодежь Эстонии
г. Таллин

НЕ ПРОЩЕ ЛЬ БЫТЬ, КАК ВСЕ?

НАШ СОБЕСЕДНИК — АКТЕР
И РЕЖИССЕР РОДИОН НАХАПЕТОВ

Его вопрос звучал почти риторически. Действительно, что там решать: проще или не проще? Безусловно, проще. Проще всего — смешаться с толпой. Затеряться среди тех, с кого велик спрос. Ответить на вопросы, на которые до тебя уже ответили.

«Так все же, не проще ли быть, как все?» — снова переспрашивал он. Кажется, себя. Интонацией, однако, предполагая ответ собеседника. Но собеседник не поверил в легко угаданную риторичку этого вопроса. Собеседник, хорошо знакомый с экранными образами и режиссерскими поисками Родиона Нахапетова, исполненными необычайной страстности, высочайшего эмоционального накала, почувствовал в вопросе подвох и осторожно переспросил:

— Как все? Вы — о жизни или о кино?

— Я о кино. И о жизни.

— Вы — о своей работе? Или о чужой? И жизни тоже — чужой или своей?

— Я о нашей. Чужой и своей.

— Простите, а конкретнее можно? Хотелось бы на примере.

— Что ж, давайте конкретнее. Давайте на примере. Недавно я закончил картину, поставленную по сценарию, который написал вместе с Радием Кушнеровичем. Музыкальную картину «О тебе».

— И что же, ее герои заняты поисками смысла жизни?

— Как раз нет, объективная реальность заставляет героиню ответить на вопрос, с которого мы начали наш разговор. Искать ей ничего не нужно. То, на что многие тратят жизнь, ей отпущено как данность. Но от этого нашей героине ничуть не легче. Тяжелее даже.

— Интересно... Необычная героиня?

— С необычной судьбой. Она поет.

— Прекрасно. Но отнюдь не ново.

— Она поет с рождения. Поет с первого крика, который обычно издает новорожденный. Она не умеет разговаривать, как все люди, — только поет. И все, разумеется, в растерянности: что с девочкой будет дальше? И успокаивают себя: ничего, в школу пойдет — отучится. Или отучат. Нет — поет. И совершенствуется в этом даре. Сначала она счастлива тем, что непохожа на других. Потом ей становится все труднее. Потому что быть непохожей очень не просто. Гораздо проще быть похожей...

— Ваш новый фильм — притча?

— Совершенно верно, музыкальная притча об отпущенном человеку даре и о его ответственности за этот дар. Трагическая, в общем-то, история.

— Столь необычайно одаренную героиню должна играть необычайно одаренная актриса.

— Это Вера Глаголева, которая играла во всех моих картинах. Если вы видели последнюю ее работу — в фильме Игоря Таланкина «Звездапад», то смогли убедиться в необычайной ее одаренности.

— Так как же, вы решили в своем фильме вопрос, проще ли быть, как все?

— Я решил. Но мне очень хочется, чтобы его решил и зритель.

— Но, скажите, пожалуйста, почему несмотря на то, что вы все так четко для себя решаете, от ваших фильмов остается впечатление некоторой недосказанности? Вспомним «С тобой и без тебя», «Враги», «На край света»...

— Но ведь не бывает так, чтобы фильм, который демонстрируется полтора часа, вместил в себя все — весь запас эмоций, размышлений. Что-то обязательно остается. И, мне кажется, режиссер, который снимает фильм, в виду должен иметь более емкую проблему, чем та, на которой он очевидно заостряет внимание. Его обязанность — хорошо разрыхлить почву и бросить семена... Ну, скажем, так: вам очень интересен человек, о котором с первого взгляда можно сказать все? Или по-другому: вы лично многое уяснили для себя в жизни простым арифметическим способом, минуя сомнения, удивление? Разве в самом простом действии вы не ищете сложное? А я — режиссер, и моя игра — не с самим собой. И в этом своеобразном поединке со зрителем я хочу играть со сложной подачи. Тогда он внимательнее присмотрится, и то, что казалось просто милым, просто симпатичным, вдруг изменится, ибо искусство — игра граней. А иначе нельзя. Иначе мы увидим на экране схему, воплощенного носителя морального кодекса. Понравится это вам?

— Но всегда ли драматургия дает вам эту возможность — возможность работать со скрытым, «подводным» материалом?

— Не всегда. Но я стараюсь выбирать. И как режиссер. И как актер. Что меня заинтересовало в герое азербайджанского фильма «Перед закрытой дверью»? Уж никак не внешняя линия поведения — скрытая боль, невидимая постороннему глазу травма. Что и послужило отправной точкой во внутренней эволюции характера.

— А ваша, ваша собственная эволюция — режиссера, например?

— Скорее всего, она тоже просматривается. Я давно тяготел к музыкальному жанру, как вам ни покажется это странным. А может показаться, точно знаю — если судить по прежним моим режиссерским да и актерским работам. В музыкальном фильме можно интересно соединить фантазию и реальность. Именно музыка дает эту возможность, она словно «цементирует» условное и объективное, вам не кажется? В фильме «О тебе» мне хотелось глубже разработать, если можно так сказать, тему таланта и того, что он претерпевает на пути становления личности.

— А вы можете оценить, какие изменения происходили с вами, пока вы из актера становились режиссером?

— Наверное, могу. Только оговорюсь сразу: я не расстался и не думаю расставаться с актерской профессией. Сейчас снимаюсь в фильме режиссера Александра Гордона «Человек, который закрыл город». В чехословацком фильме постановщика Владислава Ковчака «Сужу тебя любовью» сыграл сразу две роли — пожилого и молодого человека, отца и сына, которые потребовали, помимо всяческих технических сложностей — играть приходилось на чужом языке, — еще и огромной сложности перевоплощения. Всю свою жизнь я был связан с кино как артист. Вхождение в новую профессию, режиссерскую, естественно, гарантировало некоторые положительные изменения. Более зрелое постижение мира, так ведь? А если проще — увеличился масштаб. Одно дело — мыслить в масштабе пусть даже самой сложной роли, совсем другое — в масштабе всего фильма. Не правда ли, большая разница?

— Вам вообще, видимо, суждено работать на контрастах. Сравните хотя бы точно мотивированную определенность героя из фильма Витаутаса Жалакявичюса и ажурно вытканную основу, на которой строится характер Потоцкого из «Рабы любви» Никиты Михалкова. Я выбрала их, потому что они наиболее полярны.

— Но вы сами очень точно выбрали материал для сравнения. Многие ведь зависят от жанра, от режиссерского почерка. Откровенно публицистический фильм «Это сладкое слово — свобода» и мелодраматическая, утонченно изысканная лента «Раба любви» — у Жалакявичюса все предельно заострено во времени, у Михалкова же во времени все отдалено, затуманено. Естественно, и средства воплощения героев контрастны — было бы смешно, если бы меня, как предмет, в нетронутым виде переносили из фильма в фильм.

— Вы хотите сказать, что творчество ваше лишено определенной константы?

— Нет, я не хочу это сказать. Потому что константа есть — это тема любви. Проследите хотя бы по названиям — «Нежность», «Влюбленные», «Сердце матери», «Верность матери», «Раба любви», «Сужу тебя любовью»... Любовь и к женщине, и к матери, и к земле своей. Это так прекрасно.

Беседу вела
Элла АГРАНОВСКАЯ.

Фото Николая ШАРУБИНА.